ЦАРСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Царь Иван IV работал над текстом своего завещания в течение всей жизни. Но сохранилась лишь одна испорченная копия черновика завещания. Копия не утверждена самодержцем, не заверена подписями и печатью и не имеет даты.

В тексте черновика упомянуты имена царицы Анны Колтовской и митрополита Антония, но помолвка царя с Анной состоялась в апреле 1572 г., а Антоний занял митрополичий престол через месяц. На этом основании черновик датируют временем не ранее апреля — мая 1572 г. Завещание было написано в промежуток между началом июня и 6 августа, когда царь жил в Новгороде в тревожном ожидании исхода неминуемой кровавой схватки его воевод с татарами. Для правильного понимания духовной царя Ивана этот довод имеет очень существенное значение. Завещание проникнуто мрачными предчувствиями (С.Б. Веселовский). С его аргументами не согласился А.Л. Юрганов, датировавший завещание 1577–1579 гг.

Сохранившаяся копия завещания Грозного замечательна тем, что дает представление о ранних текстах, которые легли в его основу.

Первое завещание Грозный составил в дни тяжелой болезни в марте 1553 г. Как отметил летописец, «дияк Иван Михайлов воспомяну государю о духовной, государь же повеле духовную съвершити, всегда бо бяше у государя сие готово». Приведенные слова были продиктованы самим Иваном и записаны на полях Царственной книги много лет спустя после болезни. К тому времени монарх «съвершал» духовную неоднократно.

В последний раз царь внес поправки в завещание в день смерти. Писал под его диктовку Савва Фролов. Он служил подьячим, и прошло всего пять месяцев, как стал дьяком. Савва не имел думного чина и не был писателем. В том, что «душевные грамоты» были самостоятельными сочинениями царя, сомневаться не приходится.

Поводы к переделке завещания были самые разнообразные: тяжелая болезнь, рождение детей в царской семье, вступление в брак, отречение от трона, смерть наследника, завоевания, менявшие границы государства, перемены в боярском руководстве, отставка душеприказчиков и назначение новых, смена митрополита. Устаревшие духовные могли вызвать раздор между наследниками и смуту, а потому их, по-видимому, уничтожали. Чтобы иметь возможность в любой момент предста-

вить царю исправленный проект духовной, приказные люди должны были постоянно собирать материал обо всех земельных приобретениях или утратах, переменах в составе удельных княжеств и пр.

В тексте черновика духовной имеются ссылки на документы, важные для его датировки. Это опись казны царевичей (она была составлена опричным постельничим Наумовым, умершим в 1565 г.), грамоты герцога Магнуса (1570) и короля Сигизмунда II (1570). Все это документы опричной поры.

Основное содержание любой княжеской или царской духовной всегда составляли распоряжения о поземельной собственности. Им уделяли особое внимание, разрабатывали с наибольшей тщательностью. При датировке их следует учитывать в первую очередь.

В завещании Ивана IV имеются несколько распоряжений насчет удела князя Михаила Воротынского. Одно из них закрепляло за князем «треть» Воротынска, Перемышль, Одоев, Новосиль, Острог на Черне. Это распоряжение утратило силу летом 1562 г., когда Воротынские подверглись опале. Перемышль, Одоев и Новосиль, а также «доля» братьев в Воротынске были отобраны в казну.

В 1566 г. государь вернул Михаилу Воротынскому старый удел без Перемышля (две трети города перешли в опричину) и Воротынска. Однако ранее февраля 1569 г. «государь взял на себя» родовые владения князя Михаила, предоставив ему взамен Стародуб Ряполовский. По этому случаю дьяки включили в черновик завещания подробнейший список стародубских вотчин, попавших в разное время в казну. Перечень начинался словами: «Да сыну же моему Ивану даю к Володимеру в Стародубе в Ряполовим Стародубских князей вотчины, которые остались за мною у князя Михаила Воротынского».

Из приписки к тексту завещания Воротынского узнаем, что в ноябре — декабре 1572 г. «государь взял на себя» Стародуб с уездом, а взамен вернул удельному князю Перемышль. Однако новое волеизъявление царя не попало в черновик его заве-

щания, работа над которым прекратилась, как видно, в самом конце 1572 г., когда опричнина была отменена.

Летом 1573 г. князь Михаил умер от пыток, после чего Перемышль и прочие удельные города окончательно перешли в казну. Но и это событие не получило отражения в черновике завещания.

Наличие нескольких взаимоисключающих распоряжений об уделе Воротынского, сделанных в разное время, неоспоримо доказывает, что черновик царского завещания был составлен не в один прием и даже не в один год, а на протяжении нескольких лет.

Большой интерес представляют три распоряжения царя о владениях брата князя Владимира Андреевича.

Летописная запись гласила, что в 1563 г. государь «выменил у князя Вышегород на Петрове и с уезды да в Можайском уезде княжие волости, волость Олешню, волость Воскресеньскую, волость Петровскую». Царское завещание дословно повторяло летопись: Иван благословил сына землями — «князь Володимера Ондреевича городом Вышегородом на реке на Петрове, с волостми... да в Можайском уезде волостью Алешнею, Воскресенским, да волостью Петровскою...». Характерно, что оба текста повторяли одну и ту же ошибку («на Петрове» вместо «на Поротве»). Дело в том, что над духовным завещанием работали те же самые дьяки, которые собирали материалы для летописи.

Вместе с Вышгородом Иван IV благословил наследника городом Старицей, перешедшим в казну после обмена 1566 г. Взамен Старицкого удела брат царя получил Дмитров, Звенигород, Стародуб и Боровск. В 1569 г. удельный князь был казнен, а в тексте духовной появилась последняя запись: «А что был дали есьми князю Володимеру Ондреевичу в мену, против его вотчины, городов, и волостей, и сел... и князь Володимер предо мной преступил, и те города... сыну моему Ивану».

Удивительно, что это распоряжение Грозного было передано в самой общей форме, без указания на названия конфискованных городов! Из приведенных строк следовало, что ца-

ревич Иван наследовал весь удел, включая Звенигород. Но вопрос о Звенигороде был решен особо, после чего в духовной появился пункт: «А что есми пожаловал царевича Муртазалея... городом Звенигородом... и сын мой Иван держит за ним Звенигород...» Звенигород был одним из главных городов удела князя Владимира.

Грозный пощадил старших детей князя Владимира и допускал возможность возвращения им земель и имущества. По этой причине он продиктовал приказным следующую фразу: «А князь Володимерова сына князя Василья и дочери (пожаловати. — *Р.С.*), посмотри по настоящему времени как будет пригоже». Имеются сведения о передаче князю Василию Владимировичу столицы удельного княжества его отца города Дмитрова к 1573 г. На страницах завещания этот факт не получил отражения.

Анализ практических распоряжений царя показывает, что сохранившаяся копия не была завещанием в собственном смысле слова. Сугубо юридический документ — духовная не могла содержать два, три и более взаимоисключающих распоряжения. Сохранилось не завещание, а подборка черновых материалов, необходимых для периодического обновления завещания. Сюда относились выписки из поземельных актов разных лет, из летописей, из старых духовных грамот, новые записи, продиктованные государем. Подлинность их не вызывает сомнений.

Террор затронул верхи сначала земского, а затем опричного приказного мира. Возможно, именно это обстоятельство, обусловившее частую смену лиц, помешало систематизации собранного материала и устранению противоречий. Выписки об уделах не только противоречат друг другу, но и расположены вне хронологического порядка.

Особое значение для датировки завещания придают той его части, где речь идет о Ливонии. В текст включен подробнейший список ливонских замков и городков, завоеванных в период с 1558 по 1569–1570 гг. Царь лично руководил походом на Пайду (Вейсенштейн), завершившимся занятием это-

го замка. Это событие произошло в 1573 г. и потому не отразилось в духовной. Список новых завоеваний 1575–1577 гг. должен был включать более 30 городов. Но такой список не был составлен и не попал в черновик завещания.

В ливонском разделе духовной определены владения короля Магнуса — городок Обеерпален (Полчев) с селами. В апреле 1573 г. Грозный пожаловал Магнусу замок Каркус, занятый в конце 1572 г. В завещании это пожалование не упомянуто.

Приведенные факты доказывают, что черновик завещания перестали пополнять сразу после отмены опричнины летом 1572 г. Однако в духовной имеется абзац, который на первый взгляд противоречит приведенной дате. Магнус получил от Грозного заем в 15 500 рублей. Упомянув об этом, царь поясняет: «...а в тех денгах король Арцымагнус заложил у меня в Ливонской земле города Володимерец, город Ворну, город Прекат (Трекат), город Смилтен, город Буртники, город Роин и со всеми уезды...» Все названные города были заняты лишь в 1577 г.

О чем идет речь в завещании Грозного? В 1570 г. Магнус получил от царя вместе с титулом ливонского короля право на еще не завоеванную Ливонию. Иван IV дал в долг новому вассалу крупную сумму под залог замков Володимерец (Вольмар), Смилтен и др. Магнусу предстояло завладеть этими городками и возместить долг либо отдать замки царю. В завещании значилось: «...сын мой Иван на короле Арцымагнусе те денги или за денги города, которые в тех денгах заложены, возьмет себе...»

В завещании Грозного упомянуто имя царицы Анны, получавшей крупный удел. У царя было две царицы по имени Анна. А.Л. Юрганов полагает, что царская духовная была составлена в 1577–1579 гг. и в ней упомянута Васильчикова, а не Колтовская.

Обратимся к фактам. В начале 1577 г. Иван IV пожертвовал монахам деньги «по Анне по Васильчикове свою государскую милостыню на вечной поминок». В монастырских вкладных книгах Анна фигурирует без царского титула, а в книгах

Троице-Сергиева монастыря она записана не в список цариц, а в помяник Васильчиковых. На этом основании А.Л. Юрганов сделал вывод, что царь учредил поминание не жене Анне, а ее тетке — с тем же именем Анна Васильчикова. Пятый брак считался греховным, а религиозный царь «боялся обнародования своей греховности»; его вклады не по жене, а по тетке жены «показывают, на мой взгляд, силу влияния на царя его жены, Анны Григорьевны».

Знал ли царь заурядную дворянку — неизвестно. На каком основании он пожертвовал на нее неслыханную сумму в 850 рублей, — непонятно.

Право на титул царицы имели лишь законные супруги государя. По церковным правилам два последних брака Ивана IV были незаконными. Поэтому Анна Васильчикова и Мария Нагая могли фигурировать в дипломатических документах и церковных книгах без титула царицы. Этот факт не включает никакой загадки.

Датировка, предложенная А.Л. Юргановым, рушится. Васильчикова умерла не позднее января 1577 г., и она не могла упоминаться как живая в завещании, будто бы написанном осенью 1577—1579 гг.

Грозный составил завещание по образцу духовных грамот отца и деда царя. Но было одно серьезное различие. Иван имел склонность к литературному творчеству, и под его пером завещание приобрело черты литературного сочинения. Добрую половину духовной занимает обширное введение с покаянием и поучением «чадцам». Текст объединяет записи разновременного происхождения.

За введением следует традиционное начало завещания: «И Бог мира в Троице славимый...» Ниже следуют наставления сыновьям, в точности повторяющие завещание Ивана III. Младший брат должен «держат старшего в отца место», старший — держать младшего без обиды.

В литературном введении к завещанию сходные наставления приобретают иное звучание. Грозный не чувствует себя стесненным традицией, и его наставления производят впечат-

ление взволнованной речи: «А ты, сыне мои Федор... во всем бы еси Ивану сыну непрекословен был так, как мне, отцу своему, и во всем бы есте жил так, как из моего слова».

Конец завещания носит традиционный характер и дословно списан с духовного завещания Ивана III. Государь наказывает удельному князю слушать брата своего старейшего, государства под ним не подыскивать, ни с кем на него не «одиначиться». Однако даже в этот традиционный текст царь внес поправку, соответствующую его характеру. Иван III угрожал послушнику, что на нем не будет благословения Божьего и родительского. Царь завершал увещевания словами из Евангелия: «Аще кто не чтит отца или мать, смертью да умрет».

Иван IV наставлял наследников чтить память родной матери и мачех: «А что по грехом, жон моих, Марьи да Марфы, не стало, и вы б жон моих Марью да Марфу, а свои благодатныя матери, поминали во всем по тому, как аз оставил...» Мария Черкасская умерла в 1569 г., Марфа — в 1571 г. Четвертая жена, Анна Колтовская, упомянута как живая.

Царское завещание заключало в себе пространное «исповедание», полное горьких признаний. Царь уподоблял себя всем библейским грешникам — от Каина до Рувима. Последнее имя навело исследователей на любопытные размышления. При всем желании Иван никак не мог уподобиться Рувиму, «осквернившему отче ложе». Отсюда следует, что Грозный ограничился формальным покаянием во всех возможных грехах (Б.Н. Флоря). Так ли это? Иван был книжником, и потому его исповедь есть образец книжной мудрости. Важной особенностью православной книжности было говорение истины чужими словами. Библейские образы и цитаты обладали высшим авторитетом. Ссылки не всегда точно подходили к случаю. Так было и с Рувимом, упомянутым всуе, не к месту.

Покаяние Грозного менее всего может рассматриваться как формальное. Иван был человеком глубоко религиозным и надеялся, что искреннее покаяние принесет ему спасение. А.С. Пушкин точно уловил эту особенность характера царя «с его душой, страдающей и бурной».